

Илья Елисеев
Александра Елисеева

Сказки
о снах, смерти
и прочих состояниях ума

16+

Илья Елисеев

**Кашеевы байки. Сказки о снах,
смерти и прочих состояниях ума**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Елисеев И. С.

Кашеевы байки. Сказки о снах, смерти и прочих состояниях ума /
И. С. Елисеев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

"Кашеевы байки. Сказки о снах, смерти и прочих состояниях ума" - это сборник рассказов о пограничных состояниях сознания и изнанке бытия. Повелители Царства мертвых, Кашей и Кашеева жена, гуляют дорогами между жизнью и смертью, где нет ничего определенного, но есть много другого. Лица здесь меняются как картина мира, предки встречают далеких потомков на границе бытия, и кофе варится из воспоминаний мертвецов. Правда это или приснилось кому-то - неизвестно, да и зачем об этом говорить? Есть тайга, запах травы и тропа, которая ведет за пределы обыденной жизни. Идти по ней, шагая след в след, за квадрат, ставший кругом - вам, дорогие читатели.

Содержание

Зачин	6
Кашеевы сны	7
Кофе	8
Немного объяснений	12
Как мертвый Торке Сигвардссон встретился со своим потомком	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Данная книга является частью художественного проекта «Кашеевы байки».
Все права защищены.
Москва. 2019

Зачин

Далеко-далеко, за семью морями и островом Буяном, там, где можно увидеть изгиб тела мирового змея, есть одна земля. Это край густых лесов, высоких гор, прятных степей и длинных рек, место тишины и покоя. Добраться туда не может ни один из живущих, так что давным-давно какой-то шаман, а может быть, несколько колдунов взяли и назвали ее Царством мертвых. Частично это так, но только с точки зрения человека, да вдобавок древнего и не очень просвещенного. Сейчас у той земли нет никакого названия, и это правильно, поскольку как назвать то, что не только не может существовать, но и вовсе не существует?

Впрочем, отправиться туда можно. Достаточно просто умереть или, что, в общем-то, одно и то же, сменить свое состояние ума. Если, конечно, вы знаете, что такое ваш ум на самом деле и можете им управлять. Такое ведь случается ой как нечасто, даже по меркам бесконечности. Но все же, как сложилось, так сложилось. Раз появилось Царство, то появился Царь, а вместе с ним Царица, и мертвые действительно расселились по берегам рек, срубили себе дома и даже начали как-то жить, что уже пахнет откровенным абсурдом. Тогда появился и я – Кот Баюн, который есть одно из многих и многое в одном. Моя задача, несмотря на все сочиненное про меня людьми, – всего лишь говорить и сопровождать. Что, как, где и откуда – несущественно, поскольку слишком сильно зависит от наблюдателя. Вот моя Царица, Кашеева жена, считает меня не сильно радивым проводником живых и мертвых в их снах. Так оно и есть, но отчасти. Я вожу людей в разных состояниях по мирам, помогаю им, но не только. Другой аспект моего естества – собирание историй, ведь каждая из них живет своей жизнью, даже если умерли все, кто ее знал. Такая история становится бесхозной и сильно мучается, а я становлюсь ее хранителем. Правда, тут есть маленький подвох. Мой Царь, которого зовут Кашей, возник сразу вместе с Царством или же пришел вместе с ним и стал его частью. Никто точно не знает, хотя некоторые мне говорили, что на самом деле все сущее существует только в уме Кашея или же, наоборот, он мыслится только им одним, а видимость его жизни и власти – всего лишь мираж. Правда, проверить это нет никакой возможности, да и не нужно.

Важно другое: Кашей, Царица, я и все Царство со всеми обитателями включены в круговорот бытия настолько плотно, что мы не могли не проявиться в каком-то месте сжигено, точно, как бы в едином сосуде со всеми остальными причинно-следственными связями. И такое действительно есть. В глубокой пещере под самой высокой горой Царства мертвых стоят четыре столба, а на пятом столбе лежит огромная книга, в которой записано все мироздание целиком. Конечно, такое могло прийти только в голову людям, так как никакая книга не может вместить в себя ничего, кроме слов, а тут их явно недостаточно. Но, раз есть, так тому и быть. Важно другое – бывает, что отдельные любознательные сущности могут прочитать что-то с пыльных, остро и уютно пахнущих плесенью страниц. Конечно, каждый раз они видят что-то свое, какое-то отражение истинной сути. После сего с ними происходят истории, а это уже мое, самое что ни на есть баюновское дело. Поэтому часть меня всегда сидит у этой книги и все-все запоминает, чтобы потом историям не было обидно.

Вот так происходит и сейчас. Вы находитесь там, я – где-то тут, а слова складываются в живую быль непосредственно посередине.

Кашеевы сны

Кашей достал из ларца перо и задумчиво погрозил им гостю. В комнате было темно и сухо. Огонь из медных жаровен колебался, отражаясь в позолоте на массивных стульях, полированном столе из мореного дуба и кашеевых украшениях, равномерно покрывавших его одежду наподобие кольчуги или чрезмерно вычурного панциря. Кольца, перстни, цепочки и цепи перемигивались с драгоценными камнями на пальцах Подземного царя, мелодично побрякивая в такт каждому движению. Блики на золоте смешивались с ароматами тлеющих благовонных трав и алхимических настоев, погружая комнату в сумрачный покой.

На гостя вся эта умиротворенная пахучая благодать не производила никакого впечатления. Он стоял напротив смущенно развалившегося на стуле хозяина мертвецов и тихо клубился, завивался и перетекал внутри себя. Его дымно-туманное тело с двумя желтоватыми болотными огоньками на месте глаз немного дергалось в разные стороны, но, в общем и целом, сохраняло человеческий силуэт. Туловище незнакомца было одето в черный костюм из копоты и дыма, а руки и лицо оформлены клубами бледного, густого пара, каковой часто можно увидеть в раскаленной бане. Там, где у нормальных людей находятся волосы, гость щеголял завивающимися локонами из сизого трубочного дыма, а ноги его были обуты в два бесформенных облака, маленьких и выдавших виды.

Это действовало на нервы. Гость, очевидно, пришел за каким-то бесом, но что ему было нужно в точности, понять оказалось затруднительно. Когда односторонние попытки завести разговор эффекта не дали, Кашей притащил с собой орду мертвых толмачей, которые наперебой загомонили, замахали призрачными руками и потерпели сокрушительное фиаско. От этого у Царя мертвецов разболелась голова, и катавасию пришлось ликвидировать. Затем отдельно и в комбинации были применены артефакты колдовские, артефакты технические и вещи природные. Гость благожелательно тарачился своими огоньками и отчетливо не реагировал. Преодолев мигрень, Кашей попытался прибегнуть к пантомиме и пластическим упражнениям, справедливо полагая, что универсальный язык жеста и танца может оказаться ближе существу, лишенному речевого аппарата. Метод не сработал, разве что хозяин мертвых едва не потянул себе сухожилие на ноге и почти запутался в собственных бренчащих украшениях.

Явное отсутствие продуктивной коммуникации привело Кашея в трясуемое бешенство, требовавшее уничтожить нахала. Царь мертвецов в экстазе разрушения опробовал все способы, какие только смог вспомнить. Топоры, мечи, огнеметы, гранаты вместе с хитромудрыми заклинаниями разве что помогли немного успокоиться. Перо птицы Рух стало финальным аккордом – при желании им можно было вызвать цунами или ураган, но на гостя оно не влияло. Он стоял и тарачился, равнодушный ко всему.

Обстановка равномерно накалялась по всем фронтам. Кашей медленно выпустил воздух из легких и осторожно убрал перо в ларец. Затем он сделал еще несколько размеренных выдохов, уселся поудобнее, опер руки локтями о стол и положил острый подбородок на сомкнутые пальцы. Золото заскреблось о полированный дуб.

«Что же ему надо?» – подумал Кашей. Болотные огоньки моргнули и стали совсем круглыми. «Какой странный сон», – подумал гость. «Точно так, очень странный», – согласился Кашей и проснулся. Он сел на кровать и потер тонкими пальцами глаза. Затем потянулся, оделся в костюм-тройку черного цвета и засунул ноги в свои любимые растоптанные кроссовки. Жена уже варила кофе, отбрыкиваясь от голодного кота. Солнце всюду опускалось за горизонт, где продолжали ругаться мертвые толмачи, бросаясь друг в друга артефактами. Держа курс на закат, медленно улетала ошипанная птица Рух. Царство неживых встречало новый день.

Кофе

Кашеева жена разорвалась на кофе. Разлилась. Рассыпалась. Смешалась с сахаром, корицей, мускатом, кардамоном, черным перцем, чихнула и разлетелась во все стороны. Сидевший за столом Кашей недовольно прищелкнул языком, вытащил совок, собрал на него просыпанный кофе и аккуратно ссыпал через сито в две турочки, оставив щепотку на совке. Наугад выбрал с полки в шкафу две колбы: одну с надписью «Дядя Коля, водитель, 31.07.1953–28.03.2016», вторую – «Софья Сергеевна, коллекционер-нумизмат, 17.10.1977–04.05.2017». Капнул в первую турку дядю Колю, во вторую Софью Сергеевну и поставил кофе на плиту.

Положил совок на стул, сам сел обратно за стол и махнул рукой в сторону совка. На стуле, верхом на совке, образовалась Кашеева жена.

– Сколько раз просила, убирай совок, – буркнула она, вставая со стула. – Мог ведь?

– Сколько раз говорил – не добавляй перец, раз чихаешь от него, – возразил Кашей. – Ты рассыпаешься, а собирать мне.

– Тогда возьми на себя материализацию кофе. Превращаться, конечно, освежает с утра, но ты ведь меня с мусором мешаешь, потом полдня его из волос вытаскиваю.

– Кофе карауль, а то заново материализовывать придется.

– Ты хотя бы запомнил, какой чей? Нумизмат?! Я это не буду.

– В левой дядя Коля, в правой Софья Сергеевна. Нумизмат приятнее, чем водитель. Софья Сергеевна уж наверное приличный покупала.

Пили кофе в молчании.

От звонка будильника Кашеева жена открыла глаза. Свесила ноги с теплой лежанки в кабине дальнобойщика, пересела на сиденье, взяла пластиковую бутылку с водой из-под бардачка, открыла дверь, высунулась наружу и умылась, плеща на ладони и пофыркивая. Пригладив седеющую голову, посмотрелась в зеркало. Оттуда ей сонно ухмылялась припухшая и небритая физиономия водителя дяди Коли. Дядя Коля поставил на горелку закопченный чайник. Отломил пару ломтей батона, накромсал толстых кругов вареной колбасы, купленной ночью в магазине на автостоянке. Насыпал три ложки «Нескафе» и две сахара в красную пластиковую кружку, плеснул кипятка. Откусил бутерброд, хлебнул горячего сладкого кофе и откинулся на кресло. Тугой пивной живот блаженно заурчал, и дядя Коля доброжелательно его похлопал. Перед окном кабины разгоралось солнце, по асфальту катилось его сияние, камешки золотились и теплели. Со светящейся листвы деревьев сыпалась роса. Рассвет, думала Кашеева жена, вот он какой бывает. Пока кофе дальнобойщика дяди Коли лидирует по эмоциональной насыщенности. И честно выполняет свою функцию – задушевно разбудить.

Она вглядывается в кружку, на дне которой медным озерцом переливается кофе вперемешку с крошечными сахарными кубиками. Под взглядом Кашеевой жены озерцо поднимается, внутри него закручиваются волны, поверхность превращается в водоворот, похожий на жидкую линзу. В этой линзе дядя Коля сужается и растягивается, кабина расплывается, по ней потоками стремительно струятся небо, асфальт и древесная зелень. Лимонными пятнами краски в линзу брызжет солнце. Последнее, что успевает подумать жизнерадостный водитель: «Сейчас бы еще яшеники, и совсем з...»

Кашей уже вернулся из кофейных воспоминаний Софьи Сергеевны. И, судя по его лицу, остался от них не в восторге.

– Ее заело, – сообщил он жене, – на Тютчеве. «Душа моя – Элизиум теней...»!

Кашеева жена хмыкнула.

– А кроме Тютчева?

– Сносно, но хотелось бы более жизнеутверждающий кофе. Не обязательно утренний. Ночной тоже сошел бы. Программисты хорошо по ночам кофе пьют, когда дедлайны сдают. Как в последний раз. Очень бодрит. А водитель твой как?

– Отлично пошел! Прямо жить захотелось.

– Значит, дядя Коля, водитель... Тогда нацеди у него еще воспоминаний на воду, с запасом, литра полтора. А Софью Сергеевну на черный день оставим. А то с ее кофе, честно говоря, проще повеситься, чем взбодриться. Пьет и страдает, думает о высоком. Неужели нумизматика так влияет на женщин среднего возраста?

За мытьем турок и чашек Кашеева жена размышляет о том, что люди до крайности небрежно относятся к своим чувствам и ощущениям. И ведь не в составе кофе дело. Пивала она и знаменитые в человеческом мире марки, пробовала разные сорта, любого помола, просила людей вспомнить и смешанные, и со специями, и с пирожными, и с советскими папиросами, и с ликером, и с кубинскими сигарами...

Да ведь людям что в лоб, что по лбу – полчаса варят кофе, колдуют над ним, Кашеева жена ждет, они туда маршмеллоу сыплют пачками, а как до дела дойдет – так чашки бросаются фотографировать. И остается она без кофе – разве можно пить сжиженный эгоцентризм? А то дуют литрами из кофемашин на работе, чашку за чашкой, пока до тахикардии не дойдет. Без удовольствия, лишь бы кофеин в кровь поступал. То ли дело дядя Коля: ему каждый глоток за счастье, особенно под вареную колбаску.

Кашеева жена рассеянно выбирает из волос мусор с совочка.

– Я давно хочу попробовать лавандовый РАФ! – кричит она в соседнюю залу. – Ты не помнишь, кто у нас из молодежи последним прибыл? Из девочек?

Дуб Царства мертвых

Высокий человек в мутно-лиловой котт-д'арм с изорванным и потому совершенно не читаемым гербом поверх бригадного доспеха медленно нагнулся над распростертым вниз лицом телом. Две кровавые полосы на утоптанном снегу тянулись за раненым на протяжении нескольких шагов. Ему достался открытый перелом обеих ног и, вероятно, сломанный позвоночник. Именно поэтому он не чувствовал боли – вообще ничего ниже пояса, если быть точным, – и смог ползти, некоторое время истекая кровью из перебитых конечностей, судорожно загребая обеими руками. Потом невезучий полутруп совершенно лишился сил и потерял сознание. Человек в лиловом достал длинный стилет, аккуратно перевернул раненого и с усилием вогнал лезвие в глазницу шлема. Тело почти не дернулось – он и так уже был почти на том свете. Впрочем, береженого Бог бережет. Лиловый латник аккуратно вытер мизерикорд о бархатную крышку чужого доспеха, с усилием выпрямился и вразвалочку пошел к пеньку. Там, усевшись с длинным выдохом, он снял латные перчатки, стащил с головы открытый бацинет и занялся осмотром мелких ранений, сбитых костяшек на руках, царапин и вероятных повреждений доспеха.

Кашей брел через сугробы, обходя поляну по широкой дуге. На снегу валялось пять мертвецов. Большинство ранений было нанесено тяжелым тупым предметом. Об этом свидетельствовали промятые шлемы и вывернутые под невозможными углами конечности тел, отброшенных чудовищными ударами противников. Троих. Двоим повезло еще меньше – одному переломали ноги и тем удовлетворились. Видимо, этот несчастный все-таки изловчился и выдрал из руки убийцы шестопер. Его товарищ в тот момент как раз попытался всадить в пах противнику меч, но тот вовремя повернул бедро, и лезвие скользнуло по набедренным пластинам. Потом хитрый враг получил кромкой щита в зубы несколько раз, потерял ориентацию в пространстве и времени, а затем был безжалостно заколот в самом ближнем из всех возможных бою. Настоящее побоище. Нападавшие напоролись не просто на умелого бойца – они встретили идеального убийцу, настолько свирепого и жестокого, что даже решающее чис-

ленное преимущество не оказало никакого значения. Бедные идиоты. Однако, пришло время поздороваться.

Человек в лиловом котт-д'арм внимательно посмотрел на приближающегося Кашея. Встал, изящно поклонился и сел обратно на пенек.

– Поздорову тебе, Царь мертвецов! Как там поживает Всеотец?

– И тебе здравствуй, бедный рыцарь. Ничего, бодрый и ворчит. Новые последователи ему, видите ли, не нравятся. Шутами их называет. А в его положении хоть бы кто сгодился. Вот тот же Кецалькоатль вообще зачах. Кстати, ты чего этот турнир развел?

Названный бедным рыцарем страдальчески поморщился. Его длинные льняные волосы слиплись от пота в сальные веревки, выглядывавшие из-под подшлемника. Борода гневно топорщилась, взлохмаченная, с густой проседью. В этом обрамлении худое лицо с голубыми, цвета замерзшей горной реки глазами казалось еще более хищным и злым.

– У тебя никакой фантазии, Вечный. Скучно же все одно и то же делать. А тут как-никак выдумка, полет мысли и чувства.

– Ага, понимаю. Только вот в то время конными бились. По крайней мере, те, кто в таких латах щеголял. А у тебя получился натуральный турнир, пеший...

– Не, коней не надо. Мне их жалко, хоть они и не настоящие. В мое время лошадь – это же ценность какая была! Правда, их и в жертву приносили, и бились верхом на них, но и тогда сердце екало. Уж очень красивые звери. К тому же только так я могу вспомнить свое мастерство. Ладно, ты помогать будешь или как?

– Буду. Только давай все-таки соблюдаем хоть какие-то приличия. – Кашей повел рукой, и у него на голове возник венчик, сплетенный из омелы. Обычный костюм пропал, уступив место белому облачению. Бородач тоже преобразился. В дополнение к такому же наряду у него на поясе висел серп и длинный, обоюдоострый кинжал. За их спинами проступил, будто сквозь марево, огромный дуб с раскидистыми толстыми ветвями. У подножья дерева аккуратно лежали, сложенные стопочкой, мясницкие крюки, два топора и прочные веревки.

– И все-таки я не понимаю. Это же фантомы! Плод твоего мертвого и беспокойного ума, Ингвар Рагнарссон! Тебе обязательно устраивать это представление, да еще и с вариациями на тему эпох? – Кашей размахнулся и с выдохом рубанул по шее трупа. Брызнула кровь, топор застрял в позвоночнике. – Не проще ли как-то ускорить процесс или разнообразить в другую сторону, к примеру?

– Не-а. Я – воин. И мне не хватает битвы. – Ингвар ловко пробил крюком ахиллесовы сухожилия начинающего коченеть тела и начал прилаживать веревку. – К тому же важно не только кого я приношу в жертву, но и как. Это имеет значение. А представление помогает возбудить должный интерес с моей стороны, а также аппетит у дражайших гостей. У тебя есть претензии к исторической достоверности?

– Ага. Наслушался рассказов... Хоть бы кого дельного, из той эпохи. Даром что ли они тут ошиваются. А то дуешь пиво с новенькими, которые тебе небылицы вешают почем зря. Пять циклов тому назад кто размахивал двуручным топором, одетый в меховые трусы? А?

– Это был эксперимент. Холодно и неудобно. К тому же я только потом понял, что саги в их время совершенно не имеют отношения к правде. Я теперь ученый. Хотя, признаюсь, было весело.

– Весело ему, как же. А мне пришлось добивать твоих распоясавшихся тульп и собирать тебя по кусочкам. Или вот вспомним про твое увлечение огнестрельным оружием...

– Все, хватит! Я, между прочим, пользу приношу. Тебе, твоему Царству и всем прочим. Не смей смущать викинга! – Ингвар демонстративно отвернулся, пряча широкою, щербатую улыбку в густые усы.

– Это да. – Кашей хмыкнул и начал обтирать руки снегом. – Твой кровожадный героизм, дружище, отлично решает проблему. Навыдумывали вы в свое время хищных, злобных,

подземных тварей. И способ питания им определили раз и навсегда. Вот, вас не стало, а чудовища остались, оказались живучими. Сразу же повадились мертвецов беспокоить. А у меня в Царстве должен быть порядок и стабильность. Хорошо хоть старые способы работают. Даже с вариациями на тему. Ну что, все готово?

– Готово, – с хрустом в костях потянулся Ингвар. – Пойдем выпьем пива?

– Пойдем.

С ветвей дуба свисали шесть обезглавленных трупов. Они равномерно покачивались в надвигающихся сумерках. Их головы насадили на пики, кольцом ошестинившиеся вокруг дерева. Выпученные глаза слепо таращились в никуда. Снег был залит кровью, продолжавшей капать из тел. В лесу, там, где тени уже стали густыми и осязаемыми, мерцали огоньки. Они медленно ползли, увлекаемые ароматом предстоящего пира. На небе красовалась белая, будто прихваченная инеем, луна.

Немножко объяснений

– Слушай, Царица, у меня тут назрел вопрос. А мы существуем?

Кашеева жена от неожиданности выронила уток, которым ткала домоткань на юбку. Баюн подобрал уток и вежливо подал.

– Откуда шерсть?

– Фенрира вычесала.

– На скандинавские мотивы потянуло? Можно подумать, у нас свои Серые волки закончились. Ты правительница, поддержала бы отечественного производителя.

– С одного Фенрира шерсти как с сотни наших Серых. К тому же он чудовищно линяет, и его подшерсток на каждом кусте. Так хотя бы в дело пойдет. И Фенриру легче. Ты пришел с вопросом, так не сбивайся.

Кот запрыгнул в большое кресло, потоптался, угнезвился и, удобно свернувшись бубликом, положил толстощекую морду на подлокотник. Кашеева жена поняла, что разговор предстоит долгий, отвернулась от Баюна и принялась заправлять уток спряденным в тонкую ниточку фенрировым пухом. Ткачество было одним из тех странных развлечений, которые Царица мертвых подцепила от людей. Не то что бы в нем присутствовала польза или необходимость (создать себе юбку она могла бы без ткацкого станка, да и не сказать, что Кашеева жена испытывала острую потребность в одежде), но бескомпромиссная материальность процесса ее затягивала.

– Царица, мы не считаем время. И не знаем, сколько существует Царство мертвых. Я даже не в курсе, сколько существую сам, только понимаю, что появился здесь давненько. Про вас с Кашеем судить вовсе не берусь.

– Это ты верно... – протянула Кашеева жена, задумчиво сверяясь с узором.

– Долго я размышлял над тем, какое, собственно, дело мне, коту, про которого давным-давно люди сочиняли жуткие сказки (и ведь верили же в них сами!), до жизни и смерти. В конце концов, мы-то, жители Царства мертвых, знаем наверняка, что эти понятия живые также как сказки обо мне, изобрели лишь для создания понятной им картины мира. А картина, заметь, отлично выглядит в раме, поэтому после картины они делают уже и рамки для нее... Живые ведь недаром придумывают наивные анекдоты об эмбрионах, которые в материнской утробе рассуждают о неизвестном им мире, из которого никто еще не возвращался. По сути, такой фольклор отражает их главную проблему – невозможность заглянуть за грань бытия, взгляд со стороны реальности на стену, за которой неизвестность. Может, за этой стеной другой мир, а может, и нет его. И живые от этого страдают, потому что боятся ухода за стену и прекращения своего существования. А мы знаем, что пусть в другой форме, но бытие продолжается. Так я считал раньше.

Кашеева жена утомленно посмотрела на домоткань. Работы предстояло еще много. Пожалуй, самое время отдохнуть под благовидным предлогом. Она протянула через основу последнюю нить, положила уток поверх ткани и взмахнула рукой. Перед Баюном возникла миска с парным молоком, а на столике возле ее кресла – кружка чая с мятой. Кашеева жена плюхнулась в кресло напротив кошачьего, взяла кружку, подула и отпила глоток.

– Что же тебя смущает теперь?

– Я не понимаю, где мы находимся. Ну, по отношению к миру живых.

Кашеева жена насупилась.

– Что у тебя с лицом, Царица?

– Да елки-палки. Я была о тебе лучшего мнения, Проводник.

Баюн оскорбленно снял лапу с подлокотника и приосанился, распушив хвост.

– Что тебя, собственно, не устраивает?

– Мы с тобой бок о бок водим живых и мертвых по Царствам уже Хтонь знает, сколько времени – с начала веков! – а ты только сейчас додумался поинтересоваться у меня, кто мы и где живем (ладно, живем – это условно), как сюда попали, чем отличается наш мир от мира живых?! Я полагала, что ты знаешь ответы на эти вопросы. Но за период существования Царств ты пришел только к тому, что не понимаешь, где находишься, и усомнился в своем существовании. Прекрасно. А все остальное время, видимо, тебя от таких проблем уберегала валерьянка.

Баюн широко раскрыл глаза. Обвинения становились все более обидными и несправедливыми. Настолько, что беспринципная Царица перешла на личности.

– Царица, не хочу хамить, но моим образованием никто не занимался! Возможно, – язвительно предположил Проводник, – потому что я всего-навсего никчемный кот!

Кашеева жена смутилась. Ушастый Проводник был прав. Что-то они с Кашеем недоглядели. Она примирительно подвинула миску с молоком ближе к креслу.

– Ладно, извини, вспылила. Но я все-таки верила в твою любознательность.

– Я любознательный, – буркнул Баюн, почувствовав слабинку. – Просто работы много, и вся как на подбор нервная. Давай считать, что спустя энную тысячу лет моя любознательность наконец проявила себя, и ты можешь ее удовлетворить. Ну, так и где же мы находимся?

– На изнанке реальности.

Кот Баюн замер над миской и медленно повернул голову.

– Мя...

Кашеева жена виновато заерзала. И с тоской подумала о том, что Кашей такие вещи лучше объясняет. Но его же не поймать. Он снова своих любимых шаманов через миры туда-сюда водит.

– Понимаешь, я тоже могу объяснить мироздание только на уровне метафор. Но к квантовым физикам тебя отправлять бессмысленно. После них тебя даже валерьянка не спасет. Что еще хуже...

Баюн осторожно уместил упитанное седалище обратно в кресло. Парное молоко медленно выстывало.

– Гони метафору, Царица. И что там еще хуже?

– Вообще-то я сама не знаю, как устроено мироздание, где мы находимся, что такое жизнь и смерть, и существуем ли мы на самом деле. И что такое это «на самом деле». Видишь ли, мы с Кашеем – не последняя инстанция, а только ее порождения. Возможно, даже порождения порождений или их прапраправнуки. Люди разделяют жизнь и смерть, но для нас эти понятия не актуальны, потому что мы не присутствуем в их мире как видимые им материальные объекты. Но мы присутствуем здесь. Живы мы или мертвы, Проводник?

– Царица, зачем ты задаешь риторические вопросы?

Кашеева жена усмехнулась.

– Сначала попробуй на них ответить.

– Мы вроде сошлись во мнении, что для нас жизнь и смерть не существуют.

– С чего ты взял?

Баюн поперхнулся.

– То есть как? Ты сама только что это говорила.

– Вернись к моей цепочке рассуждений.

– «Люди разделяют жизнь и смерть, но для нас эти понятия не актуальны, потому что мы не присутствуем в их мире как видимые им материальные объекты. Но мы присутствуем здесь», – процитировал Баюн.

– Неплохо, мохнатый. А теперь отнесись критически к моей мысли и продолжи ее.

Баюн напрягся и нервно замял лапами подушку, на которой сидел. Прошел от начала высказывания до конца, вернулся, подумал.

– Понятия не актуальны не для нас, а для них. Когда они сравнивают нас с собой. Ладно, не нас, а мир, который называют потусторонним.

Кашеева жена удовлетворенно откинулась на спинку кресла.

– Хорошо. Пусть это следует из твоего высказывания. Но тогда из него же следует, что мы смертны.

– Не знаю, – призналась Царица. – Я не умирала в том смысле, какой вкладывают в это слово люди. И не рождалась. Я просто помню момент переворота сторон реальности, а что было до него – нет.

Баюн содрогнулся, представив переворот реальности. От обычного перехода по реальностям голова идет кругом, а тут переворот... Стоп.

– Царица, ты про какую реальность?

– Про всю, Проводник. Реальность бытия.

Баюн вытаращил глаза.

– Ладно, – нетерпеливо сказала Кашеева жена. – Помнится, одному посетителю нашего мира я рассказывала про изнанку бытия на примере драного свитера. Тебе повезло больше – у нас есть свежая домоткань. Гляди сюда. – Она сняла увесистого кота с кресла, поднесла к ткацкому станку и показала на полотно. – Вот лицевая сторона реальности.

Царица подтянула сопящего Баюна за подмышки, непочтительно ухватила под пушистый зад и сунула кошачью морду под станок.

– Вот изнаночная.

Спустила кота с рук, он мягенько приземлился на каменный пол, быстро вылизался и запрыгнул обратно в теплое кресло.

– И дальше?

– Дальше все просто при объяснении и больно при понимании. Слишком много вопросов возникает. Мы живем на изнанке полотна реальности, а живые – на лицевой стороне. Это если представлять реальность как полотно, конечно. Его можно сложить в один слой, в два, в три – сколько угодно или сшить и таким образом замкнуть на себе. Но тут придется вспоминать про многомерные пространства, а это мне лень, в помощь тебе все-таки квантовые физики из недавно прибывших. Так вот, находясь с обратной стороны реальности, мы, естественно, видим друг друга лишь при переходе на противоположную сторону. Но живые видят мертвых только в измененных состояниях сознания, как они это называют – во сне, трансе, околосмертных... И остальных, им подобных. Живые даже, кстати, издали хрестоматию измененных состояний сознания, можешь ознакомиться с их точкой зрения. А мертвые встречают живых здесь, когда те как раз спят. О том, как наши постояльцы отстаивают очередь для того, чтобы пообщаться с близкими в сновидении, тебе рассказывать не буду, сам все знаешь.

– Еще бы не знать, если я слежу за очередностью. Ты лучше про полотно продолжай.

– Теперь, в общем-то, переходим к самому интересному. Нить, как ты видишь, одна.

– Почему это? Две. Нить утка и нить основы. – Баюн прищурился, вдруг коварная Царица проверяет его на сообразительность.

– Неважно, – нетерпеливо сказала Кашеева жена. – Здесь имеет значение то, что нить – одна на обе стороны.

Если бы коты обладали бровями, то Баюн непременно поднял бы одну из своих. Без бровей пришлось выражать непонимание вербально.

– Прости, Царица, но следствие, которое вытекает из единственной нити, мне пока недоступно.

Кашеева жена тоже села обратно в кресло и принялась маленькими глотками пить горячий чай. Ей нужно было собраться с мыслями.

– За то время, пока мы существуем, – призналась, наконец, она, – я поняла пока только то, что наша сторона реальности и реальность живых – единое целое. Это к нити, одной на обе

стороны. Но зато я знаю другое, – и подмигнула коту, – у нас на станке полотно зафиксировано в одном положении. На самом деле стороны реальности могут меняться местами.

Как мертвый Торке Сигвардссон встретился со своим потомком

Ветер бросал ему в лицо соленые капли. Они стекали по морщинам, исчезая в густой бороде, спутывая свою серую сталь с сединой. Наверное, так же волны исчезали в гулких фьордах, когда ветер с севера гнал стада облаков над его родиной. Брызги морской воды летели, тяжелым стуком отдаваясь в самом сердце человека, сидевшего на каменистом пляже. Его не волновали ни сырость, ни протяжный холод вод – он сидел, закутавшись в плащ из колючего домотканого полотна, и смотрел на море.

Пахло солью, водорослями и осенью. На вересковых пустошах, начинавшихся за пляжем, гулял дождь, размазавшийся взвесью над камнями и речками. Серый, мокрый саван укрыл весь оком то ли туманом, то ли водяной пылью. Тот, кто решился бы пройти по гладким от влаги камням, не мог бы увидеть ничего дальше своей руки, да и то если бы сумел особым, хитрым образом сощурить глаза – так, как привыкли делать только заядлые странники страны без времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.